

Методологические программы
(Л.С. Выготский, С.Л. Франк, Г.П. Щедровицкий)

В.М. Розин, Институт философии РАН

В статье на материале ранних методологических работ Л.С. Выготского и С.Л. Франка, а также методологических программ Г.П. Щедровицкого обсуждаются особенности методологических программ и условия их реализации. Автор показывает, что потребность в таких программах возникает в условиях конкуренции философских представлений, а также обоснования собственной методологической работы. Построение методологических программ предполагает рефлекссию и методологический поворот, анализ рефлексивных содержаний, самоопределение. Реализация методологических программ существенно зависит от социального контекста.

Ключевые слова: методология, мышление, деятельность, программа, знаки, наука, практика, концепция.

Methodological programs
(L.S. Vygotsky, S.L. Frank, G.P. Shchedrovitsky)

Vadim Rozin, RAS Institute of Philosophy

In the article on the basis of early methodological works of L.S. Vygotsky and S.L. Frank, as well as the methodological programs of G.P. Shchedrovitsky, discuss the features of methodological programs and the conditions for their implementation. The author shows that the need for such programs arises in the conditions of competition of philosophical ideas, as well as the substantiation of their own methodological work. The construction of methodological programs presupposes a reflection and a methodological turn, an analysis of reflexive contents, self-determination. The implementation of methodological programs essentially depends on the social context.

Keywords: methodology, thinking, activity, program, signs, science, practice, concept

Препамбула. Лет десять тому назад Лев Щедровицкий приходил ко мне неоднократно в Институт философии с магнитофоном и, пытаясь понять, что я имел в виду, говоря о «живом методологическом мышлении», задавал мне много вопросов. Один из них касался природы методологических программ. На этот вопрос я ему ответил буквально так.

– Что я понимаю под методологической программой? То, что и написал. Такая программа включает в себя: анализ мыслительной ситуации (проблемы, критика и прочее), характеристику авторского подхода и задач, гипотезы или более развернутые характеристики мышления; наконец, вытекающие из этого шаги работы (то есть программа в узком смысле слова). Если Вы внимательно перечитаете мою программу (речь шла о предложенной мною программе «Методологии с ограниченной ответственностью»), то найдете все эти разделы, кроме последнего. Последний раздел я не привел, поскольку он адресован или прежде всего мне самому (раз заявил программу, покажи, как ее реализовать), или к тем, кто такую программу примет.

Но ясно также, что программа может выполнять и другие функции, например идеологические. Кстати, первой методологической программой я называю текст Г.П. Щедровицкого 1962 года «О различии исходных понятий “формальной” и “содержательной” логик» [13], в котором есть все указанные части, плюс, естественно, также имеется в виду сообщество «содержательно-генетических логиков» и работа этого сообщества по реализации заявленной программы.

Из какой позиции пишется программа? Еще проще. Из методологической. Методология – это дисциплина, сама себя конституирующая, но, конечно, одновременно реагирующая как на опыт мышления (получается задуманное или нет), так и на вызовы времени.

Думаю, в настоящее время понять, что такое методологическая программа не менее важно, поскольку речь идет о новом этапе развития методологии. Именно поэтому я предлагаю свои размышления на эту тему, инициированные несколько лет тому назад моим другом Александром Павловичем Огурцовым.

1. Общая характеристика методологической программы

В пояснении нуждаются по меньшей мере две вещи: в каком смысле это программа и что значит методологическая. Начиная с 20-х годов прошлого столетия стал складываться жанр самостоятельной методологической работы. В рамках прежде всего науковедения (сегодня эту дисциплину, вероятно, отнесли бы к философии науки) появилась методологическая терминология и даже осознание жанра проводимых исследований как «методологического». Например, Л.С. Выготский название своей программной статьи 1927 г., ориентированной на перестройку психологии, сопроводил пояснением – «методологическое исследование»; полностью она, как известно, называлась так: «Исторический смысл психологического кризиса (методологическое исследование)». Но еще раньше, в 1922 году, вышла статья С.Л. Франка с не менее характерным заголовком «Очерк методологии общественных наук».

Помимо собственно программных установок и положений, которые, однако, формулировались не как прямые предписания, в подобных работах (их вполне можно считать первыми методологическими программами) содержались еще два звена – пояснения и обоснования адресуемых ученым программных предложений, а также в какой-то степени указание на желательную организацию отношений между ученым, претендовавшим на методологическую роль (будем его называть «ученым-методологом»), и остальными учеными, то есть теми, кому данные методологические предложения предназначались (назовем их просто «учеными»). Методологическими эти программы можно считать потому, что программные установки и предложения вырабатывались в рамках особого типа работы и мышления – собственно методологического.

Особенность такой работы состояла в том, что ученый-методолог оценивал состояние своего предмета (науки) как кризисное, нуждающееся в перестройке и развитии. Чтобы преодолеть кризис, он действовал не как обычный ученый, а переходил к анализу способов работы и средств мышления, практикуемых в данной науке, то есть выходил в рефлексивную позицию. Проведенный анализ позволял ученому-методологу предложить другие способы работы и средства мышления, что он и делал. Фактически же на этом этапе методологической работы ученый-методолог формировал новые способы работы и средства мышления. Адресуя их ученым, работающим в данной дисциплине, ученый-методолог, как правило, сталкивался с сопротивлением, непониманием, игнорированием своих методологических предложений. Именно в этой ситуации он вынужден был создавать методологические программы, в которых разъяснял свою позицию, обрисовывал кризисное состояние дел в науке, необходимость менять способы работы и средства мышления, вводить новые представления. Чтобы лучше понять сказанное, рассмотрим несколько примеров.

2. Ранние методологические программы (Л.С. Выготского и С.Л. Франка)

В работе «Исторический смысл психологического кризиса» Выготский пишет: «Современная научная психология переживает глубочайший кризис своих методологических основ, подготовленный всем ходом исторического развития науки и охвативший всю область психологических исследований с такой полнотой и силой, что он непреложно знаменует начало новой эпохи в психологии и невозможность ее дальнейшего развития на старых путях» [2, с. 370]. Кризис, с точки зрения Выготского, заключается в двух моментах: во-первых, в гипертрофировании значимости (противостоянии) идей каждой отдельной психологической школы (обобщивших свои идеи и объяснительные принципы до масштаба «мировых законов») и, во-вторых, что для Выготского является даже более важным, в противостоянии естественнонаучной (материалистической) и спиритуалистической

(идеалистической) психологий [2, с. 308, 373]. Последнее Выготский формулирует так:

«Существуют две психологии – естественнонаучная, материалистическая, и спиритуалистическая: этот тезис вернее выражает смысл кризиса, чем тезис о существовании многих психологий; именно психологий существует две, т.е. два разных, непримиримых типа науки, две принципиально разные конструкции системы знания... Все согласны в том, что именно эти два элемента лежат в основе обеих наук, что, следовательно, одна есть естественнонаучная психология, другая – идеалистическая, как бы ни называли их разные авторы. Вслед за Мюнстербергом все видят различие не в материале или объекте, а в способе познания, в принципе – понимать ли явления в категории причинности, в связи и в принципиально тождественном смысле, как и все прочие явления, или понимать их интенционально, как духовную деятельность, направленную к цели и отрешенную от всяких материальных связей» [2, с. 381, 383].

Чтобы понять, как Выготский считал необходимым преодолевать кризис в психологии, нужно учесть его методологические установки. С одной стороны, он был высокообразованным человеком, достаточно вспомнить его ранние исследования в области театроведения, политэкономии, углубленные занятия немецкой классической философией, литературоведческие исследования. С другой – Выготский принял марксистскую методологию и серьезно старался провести ее в жизнь, построить на ее основе новую психологическую науку. Кроме того, он не сомневался, что идеалом науки является естествознание. Но известно, что естественнонаучная парадигма предполагает «использующее отношение», то есть такое представление о науке и ее объектах изучения, которое позволяет использовать знания и теории естественной науки в инженерных целях. Эта парадигма задает тип практики (инженерной), позволяющей полностью овладеть природными процессами, организовать их нужным для практической деятельности образом, управлять объектом, созданным в данной практике. Что вполне отвечало и установкам марксизма тех лет: не только объяснить мир, но и изменить его, преобразовать на основе познания объективных законов общественно-исторического развития.

Нужно учесть еще один момент. В конце 20-х годов в психологии начинаются идеологические дискуссии, ориентированные на осуждение буржуазных школ в психологии как идеалистических и борьбу с ними. «Субъективно, – пишет А.В. Брушлинский, – именно Выготский больше всех лидеров психологической науки в нашей стране искренне стремился быть марксистом. Насколько мне известно, никто из них не отвечал на идеологическую критику своих научных исследований столь болезненно и радикально, как это сделал Выготский. В начале 30-х годов в доверительной, дружеской беседе с Б.В. Зейгарник Выготский говорил ей: “Я не могу жить, если партия считает, что я не марксист”» [1, с. 218]. Сам Выготский в анализируемой работе писал следующее: «Я не хочу узнать на даровщинку,

скроив пару цитат, что такое психика, я хочу научиться на *всем* методе Маркса, как строят науку, как подойти к исследованию психики... Марксистская психология есть не школа среди школ, а единственная истинная психология как наука; другой психологии, кроме этой, не может быть» [2, с. 421, 435].

Серьезно восприняв марксистскую методологию, Выготский формулирует два важных тезиса, которые, по его мнению, должны вывести психологию из кризиса. Во-первых, он ориентирует психологическую науку на практику («психотехнику»), указывая ее цель – «подчинение и овладение психикой». Во-вторых, требует безусловного превращения психологии в естественную науку. «Не Шекспир в понятиях, как для Дильтея, – пишет Выготский, – есть цель такой психологии, но *психотехника – в одном слове*, т.е. научная теория, которая привела бы к подчинению и овладению психикой, к искусственному управлению поведением» [2, с. 389]. «Скажем сразу: *развитие прикладной психологии во всем ее объеме – главная движущая сила кризиса в его последней фазе...* Психология, которая призвана практикой подтвердить истинность своего мышления, которая стремится не столько объяснить психику, сколько понять ее и овладеть ею, ставит в принципиально иное отношение практические дисциплины во всем строе науки, чем прежняя психология... Психотехника поэтому *не может* колебаться в выборе той психологии, которая ей нужна (даже если ее разрабатывают последовательные идеалисты), она имеет дело исключительно с каузальной, с психологией объективной; некаузальная психология не играет никакой роли для психотехники... Мы исходили из того, что единственная психология, в которой нуждается психотехника, должна быть описательно-объяснительной наукой. Мы можем теперь прибавить, что эта психология, кроме того, есть наука эмпирическая, сравнительная, наука, пользующаяся данными физиологии, и, наконец, экспериментальная наука» [2, с. 387, 390].

Понятно, почему прикладную психологию Выготский называет «психотехникой». Подобно тому, как физика, рассматриваемая как образец естественных наук, ориентируется в плане использования своих знаний на технику (инженерию), так и естественнонаучная психология должна ориентироваться на психотехнику. Подобно тому, как инженер может создать механизмы, с помощью которых человек управляет природными процессами, так и естественнонаучная психология даст возможность управлять поведением человека. Наконец, если инженер может создавать новые машины и механизмы, то почему этого не может сделать психолог? «Когда, – убежденно пишет Выготский, – говорят о переплавке человека как о несомненной черте нового человечества и об искусственном создании нового биологического типа, то это будет единственный и первый вид в биологии, который создаст себя сам... В будущем обществе психология действительно будет наукой о новом человеке. Без этого перспектива марксизма и истории науки была бы не полна» [2, с. 436].

Задачу синтеза отдельных психологических теорий (фрейдизм, бихевиоризм, рефлексология, гештальттерапия и т.д.), школ и направлений Выготский решает в том же естественнонаучном ключе. Он предлагает над этими частными психологическими теориями развернуть «общую психологию», которая будет выступать в роли своеобразных «оснований психологии» [2, с. 310]. При этом Выготский полемизирует с Бинсвангером, который предлагал объединить (синтезировать) частные психологические теории на методологической основе. «Общая психология, – пишет Выготский, – следовательно, определяется Бинсвангером как критическое осмысление основных понятий психологии, кратко – как "критика психологии". Она есть ветвь общей методологии... Это рассуждение, сделанное на основе формально-логических предпосылок, верно только наполовину. Верно, что общая наука есть учение о последних основах, общих принципах и проблемах данной области знания и что, следовательно, ее предмет, способ исследования, критерии, задачи иные, чем у специальных дисциплин. Но неверно, будто она есть только часть логики, только логическая дисциплина, что общая биология – уже не биологическая дисциплина, а логическая, что общая психология перестает быть психологией... даже самому предельно отвлеченному, последнему понятию соответствует какая-то черта действительности» [2, с. 310, 312].

Понятно также, почему Л.С. Выготский возражает Бинсвангеру: с точки зрения естественнонаучного идеала синтез отдельных научных теорий осуществляет не методология, а «основания науки», т.е. дисциплина предметная, естественнонаучная, однако более общего (самого общего) порядка. Кстати, именно этот вариант синтеза психологических знаний и предметов реализовал А.Н. Леонтьев, построив психологическую науку на основе представлений о деятельности. Деятельность в концепции Леонтьева – это и есть как раз та самая идея и объяснительный принцип, которому все еще соответствует «психологическая черта действительности».

Однако реально Выготский работает не совсем так, как это следовало, исходя из построенной им методологической программы. С одной стороны, он действительно пытается реализовать в психологии естественнонаучный подход, но, с другой – под напором фактов все время сползает к исследованию, отчасти напоминающему гуманитарное. Исследование речи и мышления, анализ развития высших психических функций, исследования по детской психологии весьма далеки от естественнонаучных теорий, зато по языку, понятийному строю, способам рассуждения напоминают гуманитарные и философские штудии.

Здесь может возникнуть законный вопрос: как мог столь тонкий и глубокий исследователь не заметить этого и не сформулировать совершенно другую исследовательскую программу? Ответы могут быть разные: возможно, не успел, возможно, был поглощен самим исследовательским процессом или не имел той точки «внезаходимости» (М.Бахтин), принадлежащей Другому, чтобы с нее объективно взглянуть на свою работу,

а возможно, желая оставаться последовательным марксистом, закрывал глаза на противоречия, которые он вряд ли не замечал.

Но факт есть факт: противоречия собственной методологической программе, под влиянием гуманитарной культуры мышления и марксовского метода «восхождения от абстрактного к конкретному», Выготский развернул исследование, сочетающее естественнонаучный подход с гуманитарным, что не могло не привести к противоречиям; это хорошо видно, например, в его последней большой работе «Мышление и речь» [3; 10].

Прокомментируем данный пример построения методологической программы. Как ученый-методолог, Выготский исходит из идеи правильного метода, в данном случае марксистского, а следовательно, принимает идею Декарта о том, что научная работа есть частный случай мышления. «И, право, – пишет Декарт, – мне кажется удивительным нрав большинства людей: они весьма старательно изучают свойства растений, движение звезд, превращение металлов и предметы подобных наук, но почти никто и не помышляет о хорошем уме (*bona mens*) или об этой всеобъемлющей Мудрости, между тем как все другие занятия ценны не столько сами по себе, сколько потому, что они оказывают ей некоторые услуги. Следовательно, тот, кто серьезно стремится к познанию истины, не должен избирать какую-нибудь одну науку, – ибо все они находятся во взаимной связи и зависимости одна от другой, – а должен заботиться лишь об увеличении естественного света разума и не для разрешения тех или иных школьных трудностей, а для того, чтобы его ум мог указывать воле выбор действий в житейских случайностях» [4, с. 80].

В соответствии с декартовской установкой и постулатом о том, что правильный метод дает марксизм, Выготский думает, что психологическая наука должна строиться не просто в ходе исследования психики, а путем реализации метода Маркса. В науку же Выготский, судя по тому, что он пишет, включает категории и научные понятия, познавательные установки и стратегии (материалистическую и идеалистическую), способы систематизации и обоснования научных знаний. Именно это, а не психику обсуждает Выготский в своей статье. Кроме того, как мы отмечали, под влиянием марксизма Выготский считает, что правильная наука – это наука естественная. Поэтому Дильтея и его вариант науки (осознанной позднее как гуманитарный тип) Выготский относит к идеализму.

Не должны ли мы в таком случае сделать вывод о том, что методологический подход предполагает *изменение точки зрения с «предметной» на рефлексивную*, а также *переход от изучения объекта внутри определенного предмета* (психики внутри психологии) *к рассмотрению «рефлексивных содержаний»* (психологических понятий, познавательных установок и стратегий, способов построения, организации и обоснования психологических знаний и т.п.). В данном случае Выготский следует уже сложившейся традиции, недаром название своей статьи, как отмечалось выше, он сопроводил пояснением: «методологическое

исследование». В работе С.Л. Франка «Очерк методологии общественных наук» указанный «методологический поворот», можно сказать, отчасти уже отрефлексирован.

«Методология общественных наук, – пишет Франк, – подобно всякой методологии, есть учение об общих точках зрения, из которых должен исходить изучающий общественные науки, о правилах, которые он должен соблюдать при исследовании, и о приемах, которыми он должен пользоваться» [11, с. 88]. Далее, критически обсуждая социологию и показывая, что последняя *«есть попытка построить обществоведение по образу естествознания»*¹, причем опирается социология на философский позитивизм, в силу чего «система обобщений, которую она пытается дать в обществоведении, принципиально носит не философский, а часто положительно научный характер», Франк поясняет: если в рамках философского позитивизма «методология основана на познании существа соответствующего предмета, то тут речь идет о познании общей или формальной *логической* природы предмета, а не обобщениях из частного опыта» [11, с. 90–91]. Вот этот переход от «познания существа соответствующего предмета» к «познанию логической природы предмета» и есть то, что я назвал методологическим поворотом.

Осуществляя такой поворот, Франк дальше обсуждает не социальные явления, а природу «законов общественной жизни», социологические концепции, отношение между социальным идеалом и социальной действительностью и другие рефлексивные содержания. Сравнивая эти содержания с теми, которые анализирует Выготский, можно заметить, что часть из них общие, а другие не совпадают. Не разделяет Франк и естественнонаучные пристрастия Выготского. «Науки о неорганической природе, – пишет он, – изучая механическую закономерность явлений, имеют свои характерные особенности... Науки общественные изучают явления человеческой жизни, обусловленные волей и сознанием человека, стремлениями людей к определенным целям или идеалам – моменты, не имеющие места в явлениях природы» [11, с. 89].

Нетрудно заметить, что в рассмотренной выше статье Выготский сначала обсуждает, в чем, с его точки зрения, состоит кризис в психологии, а затем – как его преодолеть. При этом работает он с рефлексивными содержаниями. Указанные две части – *«критико-аналитическая»* и *«проектно-конструктивная»*, – как правило, содержатся в любой методологической работе. В цитированной выше работе Выготский ведет критику и предлагает нововведения конкретно, исходя из естественнонаучного подхода: современная для его времени психология переживает глубокий кризис потому, что не удовлетворяет этому подходу, перестраивать ее нужно в направлении следования естественнонаучному методу.

---

¹ Здесь и далее в цитатах из работы С.Л. Франка выделения в тексте «разреженным» шрифтом заменены на выделения *курсивом*. – Прим. ред.

С.Л. Франк ведет критику и предлагает реформу социологии, ориентируясь на идеалы социальной философии и более правильное, как он говорит «систематическое», понимание методологии. «Из всех этих особенностей социологии, – пишет он, – совершенно очевидно, что она не может обосновывать методологию общественных наук или совпадать с нею. Скорее она сама и весь ее замысел есть типичный образец игнорирования систематической методологии, пример методологической спутанности и предвзятости; и неплодотворность, которую фактически обнаружило социологическое знание, в значительной мере определена этим его недостатком» [11, с. 90].

Л.С. Выготский специально не обсуждает, почему марксизм или естественные науки являются наиболее подходящими для решения проблем психологии (прошедшая перед этим дискуссия в науке, где тон задавали большевики, сделала опасной саму мысль о таком обсуждении). Но в общем случае методолог должен обсуждать подобные вопросы, иначе с какой стати ему должны доверять. Всегда может быть задан вопрос: почему методолог предписывает нечто другим ученым, сам-то он на чем основывает свои рекомендации? Что из того, что методолог изучает и конституирует мышление, если, во-первых, неясны основания его подхода (вряд ли тогда стоит, не раздумывая, идти за ним), во-вторых, он не ответил на вопрос, а что такое мышление. Понимая это, методолог, с одной стороны, разворачивает методологическую программу, где указывает функции методологии и отношения методолога с учеными, с другой – рассказывает, как он понимает, изучает и конституирует мышление, с третьей стороны, обязательно характеризует подход и основания, которых он придерживается сам. Действительно, например, в первой методологической программе ММК мы находим четыре основных сюжета: анализ ситуации, включающий проблематизацию и критику существующих подходов к изучению мышления, характеристику подхода и задач авторов программы, гипотезы о природе мышления и собственно программу исследования мышления в узком смысле [13].

3. Методологические программы изучения мышления и деятельности в работах Г.П. Щедровицкого

Вероятно, первое естественнонаучное образование Щедровицкого, да и общий марксистский дух времени, предопределили его отношение к мышлению. Идея историзма сохраняется, но изучение мышления теперь понимается в значительной мере как исследование по образцу естественной науки. Формулируются тезисы, что логика – эмпирическая наука, а мышление – это процесс и мыслительная деятельность, которые подлежат моделированию и теоретическому описанию. Вокруг Щедровицкого в этот период (конец 50-х – начало 60-х гг. XX в.) объединяются исследователи (И.С. Ладенко, Н.Г. Алексеев, В.А. Костеловский, Б.В. Сазонов,

В.А. Лефевр, В.М. Розин и др.) с близкими естественнонаучными установками.

Тем не менее речь все же шла о логике, а не о построении естественной науки. Собственно логическая и философская установки отлились в идеи исторического анализа мышления, в требование рефлексии собственного мышления и логического контроля исследований, которые в этот период велись. Обсуждая в программной статье «О различии исходных понятий “формальной” и “содержательной” логик» [13] методологию изучения мышления, Щедровицкий пишет: «Итоги этого этапа исследования: а) алфавит операций мышления, б) ряд относительно замкнутых однородных систем знаковой формы, объединяемых в формальные исчисления (что, вероятно, эквивалентно логическим правилам. – В.Р.), в) знание о составе и принципах организации множества научных рассуждений (этот шаг представляет собой реализацию идеи построения логики науки. – В.Р.). Все эти разнородные элементы должны быть теперь объединены и сведены в одну “историческую теорию” мышления как такового... разработанная в этом направлении “содержательная логика” сможет стать теоретическим основанием “логики науки”, позволит выработать новые высокоэффективные методы обучения и сделает возможным инженерное моделирование мышления» [13, с. 44, 49].

В первой программе этого коллектива, которую задним числом можно назвать «методологической», были зафиксированы как перечисленные идеи, так и результаты их реализации (схема двухплоскостного строения знания, представление мыслительного процесса в виде «атомов» мышления – конечного набора операций мышления, сведение операций к схемам замещения и т. п. [13]). Если сравнить этот результат с исходным замыслом А.А. Зиновьева, склонявшегося к стратегии исследования мышления как сложного диалектического процесса восхождения от абстрактного к конкретному, стремившегося понять мысль Маркса как попытку воссоздать в знании сложное органическое целое, не упуская ни одной из его сторон, то налицо существенное отличие. Мышление Щедровицким со товарищи было представлено не как сложное органическое целое, а в виде своеобразной естественнонаучной онтологии. Оно разбивалось на процессы, процессы – на операции, каждая операция изображалась с помощью структурной схемы, напоминающей по форме химическую, а исторический процесс развития мышления сводился к набору структурных ситуаций (разрывы в деятельности, изобретение знаковых средств, позволяющих преодолеть этот разрыв, образование на основе знаковых средств новых знаний и операций мышления).

Все это действительно позволяло вести эмпирическое исследование мышления, взятого со стороны объективированных знаковых средств и продуктов. По сути, анализировалось не мышление как форма сознания и индивидуальной человеческой деятельности, а вырезанная (высвеченная) естественнонаучным подходом проекция объективных условий,

определяющих мышление; эта проекция называлась «мыслительной деятельностью».

Обратим внимание на важную особенность работы того периода. Выступая против формальной логики, Щедровицкий видел преимущество и даже пафос содержательно-генетической логики, с одной стороны, в *деятельностной ее трактовке*, позволяющей по-новому анализировать форму и содержание знания (они сводились к объектам и операциям), с другой – в *семиотической трактовке* мышления. В соответствии с последней мышление понималось как деятельность со знаками, позволяющая схватывать результаты сопоставления объектов знания с эталонами (так определялось содержание знания) в определенной форме (знаковой) и затем действовать с этой формой уже как с целостным самостоятельным объектом. Другими словами, деятельностная и семиотическая трактовки мышления фактически были исходными, но до поры до времени рассматривались как способы описания мышления, а не основная изучаемая реальность.

Анализ ранних работ Г.П. Щедровицкого показывает, что семиотическая трактовка мышления во многом сложилась под влиянием идей Л.С. Выготского. В работе 1957 года «“Языковое мышление” и его анализ» Щедровицкий, с одной стороны, критикует Выготского, но с другой – заимствует (естественно, видоизменяя) его представление о развитии мышления и высших психических функций на основе действий со знаками и позднее с понятиями [14]. Так, с одной стороны, мышление Щедровицкий рассматривает как знаковое многоплоскостное замещение, возникающее на ранней стадии развития ребенка, с другой – мышление представляет собой процесс решения задач и проблем, понятийный способ работы и т.п. «Итак, приступая к исследованию мышления, – пишет Г.П. Щедровицкий, – мы должны начать с непосредственносозерцаемого, с языка, – со слова... знак языка имеет значение, и поэтому он отражает или выражает. Это значение входит в состав слова, является “моментом” его структуры, таким же ингредиентом, как и сам знак» [14, с. 456]. Ближе к концу статьи Щедровицкий отмечает, что «мышление представляет собой *особую* деятельность (с образами объектов природы), отличную от деятельности чувственного отражения. А это, в свою очередь, значит, что знаки языка, выражающие понятия, относятся к своему особому объективному содержанию *особым образом*, т.е. имеют особое специфически мысленное, понятийное значение» [14, с. 463].

На следующем этапе, начиная с середины 60-х годов, задача построения науки о мышлении Щедровицким отодвигается на второй план и ставится новая – построения «теории деятельности» (вторая методологическая программа). При этом казалось, что поскольку мышление – это один из видов деятельности, то создание такой теории автоматически позволит описать и законы мышления (правда, выяснилось, пишет Щедровицкий в 1987 году, «что анализ деятельности ведет совсем в другом направлении и сам может рассматриваться как ортогональный к анализу

мышления и знаний» [15, с. 282]). Но в середине 60-х это еще не выяснилось, напротив, Щедровицкий считает, что единственной реальностью является деятельность, которую можно не только исследовать, но и организовывать и строить.

Почему в качестве реальности берется деятельность? Вероятно, во-первых, потому, что представители содержательно-генетической логики считали мышление видом деятельности. Во-вторых, потому, что Щедровицкий со товарищи пошли, образно говоря, «в народ», т.е. в науку, педагогику, проектирование и в другие практики с целью их реформирования. Поскольку нормирование и организация мышления других специалистов рассматривались в тот период как главное звено работы, как деятельность, приводящая к развитию предметного мышления, суть мышления стали видеть именно в деятельности. Постепенно деятельность стала пониматься как особая реальность, во-первых, позволяющая развивать предметное мышление (в науке, инженерии, проектировании), во-вторых, законно переносить знания, полученные при изучении одних типов мышления, на другие типы мышления.

Теоретико-деятельностные представления о «пятичленке» (структуре, содержащей блоки «задача», «объект», «процедура», «средства», «продукт»), о кооперации деятельности и позициях в ней (например, позиций «практик», «методист», «ученый», «методолог»), блок-схемное представление «машины науки», схемы воспроизводства деятельности и другие (смотри [16]) позволили Щедровицкому, во-первых, объяснять, почему происходило развитие тех или иных процессов мышления и появление в связи с этим новых типов знаний, во-вторых, использовать все эти схемы и представления в качестве норм и организационных схем по отношению к другим специалистам.

Предписывающий и нормативный статус таких схем и представлений объяснялся и оправдывался, с одной стороны, тем, что они описывают деятельность и мышление специалистов (ученых, проектировщиков, педагогов, инженеров и т.д.), с другой – необходимостью проектировать и программировать эту деятельность в целях ее развития. В середине 60-х годов, обсуждая теорию дизайна, Щедровицкий пишет, например, следующее: «До последнего времени науки, обслуживающие разные сферы человеческой практики и инженерии, складывались, как правило, очень медленно, стихийно, путем множества проб и отбора из них тех, которые оказывались удачными. На это уходило столетия. Дизайнерская практика не может ориентироваться на такой путь постепенного становления и оформления необходимой ей науки. Науку дизайна нужно *построить*, и это должно быть сделано быстро, максимум в два-три десятилетия... Теоретики дизайна... должны построить теорию дизайна примерно так, как инженер строит или конструирует какую-либо машину или изделие. Это значит, что они должны *спроектировать* науку, обслуживающую дизайн, а потом создать ее части и элементы в соответствии с этим общим проектом»

[17, с. 337]. (Правда, через две страницы Щедровицкий говорит, что проектирование науки дизайна предполагает исследование дизайнерской деятельности и обслуживающих ее знаний.)

Позднее, в начале 80-х годов, обсуждая особенности методологической работы, Щедровицкий пишет, что «продукты и результаты методологической работы в своей основной массе – это не знания, проверяемые на истинность, а проекты, проектные схемы и предписания. И это неизбежный вывод, как только мы отказываемся от слишком узкой, чисто познавательной установки, принимаем тезис К. Маркса о революционно-критическом, преобразующем характере человеческой деятельности» [18, с. 96].

А как теперь должна была пониматься работа самого Щедровицкого и членов его семинара, ведь вместо разработки норм мышления они перешли к проектам развития научных предметов и дисциплин? Вот здесь и выходит на свет идея методологии как программа исследования и перестройки деятельности (включая мышление как частный случай деятельности). Именно на этом этапе, начиная со второй половины 60-х годов, Щедровицкий идентифицирует себя уже как «методолога», а свою дисциплину называет методологией.

К концу 60-х годов программа построения теории деятельности вроде бы оказалась довольно быстро реализованной: в течение нескольких лет было построено столько схем и изображений деятельности, что их, по мнению Щедровицкого, с лихвой должно было хватить на описание любых эмпирических случаев. В результате Георгий Петрович пришел к выводу, что теория деятельности построена (в конце 60-х годов он сказал мне в частной беседе: «Главное уже сделано, основная задача теперь – распространение теории деятельности и методологии на другие области мышления и дисциплины»). Правда, дальнейшее развитие теории деятельности и методологии показало, что это не так: создавались и принципиально новые схемы (например, «шага развития», «оргдеятельных и онтологических досок», «управления как деятельности над деятельностью») и методология в лице ММК еще не раз переживала кризисы и преодолевала их.

Кроме того, Г.П. Щедровицкому удалось сделать еще один важный шаг – сформировать особый класс деловых игр, получивших название «организационно-деятельностных» (ОДИ), которые рассматривались как полноценная методологическая практика, поскольку в ней методологи получали в свое распоряжение (во власть), правда только на период игры, специалистов и могли им предписывать, как мыслить и действовать. Новая реальность вроде бы целиком лежала в рамках деятельностной онтологии и методологического социального действия. Пока методологам нужно было организовывать на основе методологических схем собственное мышление и деятельность или мышление сочувствующих методологии предметников-специалистов, все более или менее получалось, хотя все равно были проблемы.

Но переход в ОДИ к организации и нормированию мышления других специалистов или попытки организовать с помощью ОДИ социальные процессы – все это обозначило предел так понимаемой методологии. Один из них определялся самой природой игры. Хотя методологи сценировали игры и старались в ходе игры управлять игровой стихией (навязывая ее участникам методологические схемы, логику мышления, общую организацию), тем не менее и самим организаторам игр приходилось менять заранее сценированное поведение, вступать в диалог с ее участниками, частично поступаться собственными принципами. К тому же ряд ведущих методологов отказались следовать общим методологическим нормам и сценариям игр (их вначале задавал или утверждал сам Щедровицкий). Они стали создавать и предъявлять как не менее эффективные и обоснованные свои собственные методологические нормы и сценарии игры. Причем на сей раз конфликт разрешился не традиционно: путем вытеснения нарушителя в «другую комнату», то есть отрицания любого способа мышления, отличающегося от закрепленного и охраняемого Щедровицким. Было признано право участников игр и семинаров на свою точку зрения, которая затем, однако, должна была вводиться в общее поле коммуникации и там совместно прорабатываться. Примерно в таком контексте, утверждает Щедровицкий, и возникло понятие «мысли-коммуникации», потянувшее за собой необходимость очередного пересмотра методологической реальности.

В концепции мыследеятельности, сформулированной в начале 80-х годов Г.П. Щедровицким (ее можно считать третьей методологической программой), мышление понималось уже как подсистема в системе мыследеятельности, включающей в себя «пояса» коллективно-группового мыследействия, мысли-коммуникации и чистого мышления [15, с. 286–291]. Почему новая реальность была названа мыследеятельностью? Вероятно потому, что в ОДИ, с одной стороны, решались познавательные задачи, то есть осуществлялось исследовательское мышление, с другой – происходило программирование и организация мышления всех участников игры, что по традиции понималось как деятельность. Тем самым был сделан важный шаг: задана новая рамка для изучения мышления и указан его контекст. Стало понятным, что мышление не может быть сведено к алфавиту процедур и операций мышления, что это более сложное образование.

Хотя мышление задавалось как подсистема мыследеятельности, Г.П. Щедровицкий признавал за мышлением определенную автономность, самостоятельность. В отличие от других поясов мыследеятельности пояс чистого мышления, писал он, «имеет свои *строгие правила образования и преобразования единиц выражения и законы*, причем достаточно монизированные; это все то, что Аристотель называл словом “логос”...» [15, с. 289]. Однако, что же такое мышление не как аристотелевский логос, а как аспект методологической реальности? Ясного ответа на этот вопрос Г.П. Щедровицкий не дал.

Не заметил он, на мой взгляд, также, что понятие мысли-коммуникации противоречит естественнонаучной установке и деятельностной онтологии, что, по сути, это понятие из другой парадигмы – гуманитарной, если только, конечно, коммуникацию не понимать так, как ее трактуют в лингвистике и соссюровской семиотике. Если же коммуникацию понимать по М. Бахтину, как форму диалога и общения, в которых разные позиции и точки зрения коммуницирующих выражаются и обосновываются (и именно за счет всего этого и складывается общее поле коммуникации, становится возможным понимание и даже согласованное действие), то в этом случае представление о мыследеятельности противоречит естественнонаучному и деятельностному подходам.

Отчасти Щедровицкий это чувствовал, в середине 80-х годов он признает, что деятельность – это, оказывается, еще не вся реальность, например, важную роль в формировании последней играют процессы коммуникации; что мышление так и не было проанализировано, наконец, что методолог не может сам подобно демиургу создавать новые виды деятельности; требуется разворачивать организационно-деятельностные игры, которые представляют собой «средство деструктурирования предметных форм и способ выращивания новых форм соорганизации коллективной мыследеятельности» [15, с. 293]. «С этой точки зрения, – пишет Щедровицкий, – сами выражения “деятельность” и “действие”, если оставить в стороне определение их через схемы воспроизводства, выступают как выражения чрезвычайно сильных идеализаций, чрезмерных редукций и упрощений, которым в реальности могут соответствовать только крайне редкие искусственно созданные и экзотические случаи. В реальном мире общественной жизни деятельность и действие могут и должны существовать только вместе с мышлением и коммуникацией. Отсюда и само выражение “мыследеятельность”, которое больше соответствует реальности и поэтому должно заменить и вытеснить выражение “деятельность” как при исследованиях, так и в практической организации» [15, с. 297–298].

При этом Щедровицкий не отказывается от своей исходной программы: необходимо и исследование (теперь мыследеятельности), и практическая организация ее, причем на основе соответствующих теорий мыследеятельности. «Развитая таким образом методология, – пишет он, – должна будет включать образцы всех форм, способов и стилей мышления – методические, конструктивно-технические, научные, проектные, организационно-управленческие, исторические и т.д.; она будет свободно использовать знания всех типов и видов, но базироваться в первую очередь на *специальном комплексе методологических дисциплин – теории мыследеятельности, теории мышления, теории деятельности, семиотике, теории знаний, теории коммуникации и взаимопонимания и т.п.*» [19, с. 152–153].

Продумывая изложенный материал, можно заметить, что, несмотря на различие, две первые методологические программы основываются на общей

схеме. Ее суть можно охарактеризовать так: *существует мышление (деятельность); изучая сущность и законы мышления (деятельности), можно получить знания, позволяющие перестроить последнее; необходимое условие такого преобразования – критика сложившихся неудовлетворительных форм и концепций мышления (деятельности).* Рассмотрим теперь одну из предложенных Г.П. Щедровицким методологических программ реформирования конкретных научных дисциплин.

4. Методологическая программа построения семиотики

Центральной методологической проблемой семиотики Г.П. Щедровицкий считает следующую: будет ли семиотика развиваться только как приложение и продолжение других теоретических дисциплин – логики, психологии, языкознания, культурологии и пр. – или же она, наконец, станет самостоятельной наукой. «Какой бы подход, – пишет Щедровицкий, – мы сейчас ни взяли – логический, лингвистический или психологический – в каждом семиотика мыслится как простое расширение предмета соответствующей науки, как приложение ее понятий и методов к новой области объектов. Фактически нигде не идет речь о специфических методах семиотики, об особых – и они должны быть новыми – процедурах выделения и описания ее предмета... Поэтому можно сформулировать более общий тезис: основная задача семиотики как теории знаковых систем, если она хочет быть особой наукой, а не другим названием расширенной лингвистики, расширенной логики или психологии, состоит в объединении тех представлений о знаках и знаковых системах, которые выработаны к настоящему времени в психологии, логике, языкознании и других дисциплинах; семиотика будет иметь право на существование в качестве самостоятельной науки, если будет решать эту, ставшую уже насущной, задачу» [20, с. 21, 22].

О какой науке говорит Г.П. Щедровицкий и почему семиотика как самостоятельная дисциплина должна возникнуть из синтеза отдельных дисциплинарных семиотических представлений? Судя по всему, о естественной науке, пользующейся объективным методом, в свете которого другие теоретические построения семиотики являются или ложными, или не совсем адекватными. Действительно, возражая против социально-психологического подхода в семиотике, ставящего природу знака в зависимость от понимания и других психических процессов человека, Г.П. Щедровицкий противопоставляет этому подходу «совершенно точный и объективный анализ» знаков в социуме. Кредо социально-психологического («ситуативного») подхода, пишет Щедровицкий, «в резкой форме может быть сформулировано так: знаки существуют потому, что отдельные люди, индивиды, сознательно используют какие-то объекты в качестве знаков; знаки не существуют объективно в социально-производственных структурах

и в “культуре” социума именно как знаки; они не имеют объективных функций и значений безотносительно к психике индивидов, их пониманиям и желаниям... В исследовании знаков этот подход постоянно приводит к одному и тому же тупику. Когда заходит речь о реконструкции функций, значений, содержаний знаков и становится необходимым обращение к так называемым внеязыковым условиям и факторам, исследователям приходится апеллировать к процессам понимания, осуществляемым индивидами, к их желаниям, целям, одним словом, к сознанию и его многообразному содержанию; последнее оказывается зависимым от прошлого опыта индивидов, от их психических установок и т.п., т.е. от факторов, пока совершенно не поддающихся точному научному учету. Именно поэтому все ходы в этом направлении и заводили в тупик. Возможен, однако, совершенно точный и объективный анализ содержания и значений языковых выражений, не связанный с описанием психических процессов и сознания индивидов» [20, с. 27–28].

Этот «точный и объективный анализ», нетрудно предположить, естественнонаучный анализ, и здесь Г.П. Щедровицкий вполне последователен, поскольку именно естественные науки в 60-х годах он считал образцом и идеалом. Как здесь не вспомнить аналогичную программу для психологии Л.С. Выготского. По сути, Щедровицкий пытается создать «общую семиотику», объединив и переработав на естественнонаучной основе основные семиотические идеи, сформулированные в разных направлениях семиотики. При этом подобное объединение, считает Щедровицкий, тоже должно происходить с опорой на истинную семиотическую идею (именно ей, вероятно, соответствует самая «обобщенная семиотическая черта действительности»), которая и позволит создать семиотическую теорию, снимающую все остальные, правда, не как знания, а как описания разных сторон изучаемого объекта.

Во всех существующих направлениях семиотики, пишет Г.П. Щедровицкий, «не было схвачено какое-то *объективное* свойство знаков, которое по сути дела является *самым главным*; оно объединяет другие, уже выделенные стороны и задает их место в системе целого. Поэтому, чтобы построить новую модель знака, нужно, прежде всего, выяснить это свойство». А чуть выше он поясняет: «Объединение логических, лингвистических и психологических представлений о знаке и знаковых системах не может основываться на сведении одних представлений к другим, так как среди них нет главного; оно не может быть также механическим соединением их, ибо перечисленные представления являются не частями одного целого, а различными “проекциями” объекта, снятыми как бы под различными углами зрения. Чтобы осуществить синтез подобных проекций, надо построить совершенно новую модель знака и знаковых систем, которая выступила бы по отношению ко всем предшествующим представлениям как сам объект, с которого они “сняты” как проекции... отнесение всех существующих представлений к одной модели будет

выступать как способ опосредованного связывания их друг с другом. То, что раньше было просто набором разных изолированных представлений, теперь выступит как сложная иерархическая система» [20, с. 22–23]. Не правда ли, похоже на Выготского?

Как же сегодня мы можем оценить программу Г.П. Щедровицкого, в реализации которой в середине 60-х годов участвовал и автор? Если Щедровицкий разрабатывал методологию исходя из естественнонаучного идеала, то я сторонник гуманитарного подхода, допускающего, кстати, в качестве своего предельного, вырожденного варианта и естественнонаучный подход. (М.Бахтин считал, что это предельное отношение задается, когда мы человека рассматриваем не как личность, а как специалиста.) С точки зрения гуманитарного подхода каждое направление семиотики имеет право на существование, поскольку, во-первых, отражает определенную ценностную позицию исследователя, во-вторых – определенную позицию (возможность) в культурном пространстве. Зайти, как выражается Г.П. Щедровицкий, в тупик основные направления семиотики не могут. Другое дело, что не всегда можно согласиться с какими-то рефлексивными суждениями по поводу семиотики, высказываемыми авторами тех или иных направлений. Но полемика и есть полемика. Это дело нормальное.

Поскольку семиотика строится на разных основаниях и по-разному в смысле выбора новых подходов, а также способов перехода от традиционных теоретических дисциплин к этим подходам, то и вариантов семиотики может быть несколько, что и наблюдается в действительности. Другое следствие данной модели семиотики – понимание ее задач.

Семиотические исследования должны восполнить традиционные (логические, лингвистические, психологические, социологические и т.д.) в области новых задач, которые были поставлены временем, но на которые эти дисциплины при их создании не были ориентированы (конечно, при условии, что ресурсы этих традиционных дисциплин пока не исчерпаны). Например, соглашаясь, что имманентное изучение языка за последние 40 лет кое-что дало, Г.П. Щедровицкий перечисляет новые задачи, которые, с его точки зрения, на основе этого подхода решены быть не могут: «1) о соотношении “языка” и “речи” (в сосюровском смысле), 2) о соотношении социального и индивидуального в них, 3) о законах развития “речи-языка”» [20, с. 24]. Вряд ли эти задачи, особенно вторую и третью, взялись бы решать лингвисты традиционной ориентации, но Л. Ельмслев или Р. Якобсон их уже будут, во всяком случае, обсуждать.

Кроме того, семиотические исследования должны очертить области, в которых необходимо менять контексты и соответственно логику изучения. Именно поэтому одна из основных задач семиотики – построение классификаций (типологий) знаков и знаковых систем. Каждый такой класс (тип) задает свой особый случай связи традиционного объекта изучения с выбранным контекстом.

Наконец, важная задача семиотического исследования – проведение собственно семиотического объяснения. Его особенностью является перенос объяснения и оснований в область «жизни знаков». Для семиотиков бытие знаков является более ясным, чем существование других объектов и предметов, которые поэтому нуждаются в семиотическом прояснении. Понятно, что другие исследователи с этим вряд ли согласятся, у них свои критерии ясности.

Если мы теперь с этой точки зрения посмотрим на разные направления семиотики, то сможем их охарактеризовать по-новому, найдя им достойное место в общем процессе семиотического познания. Например, Пирс шел от традиционной логики и изучения мышления, а в качестве нового подхода формировал представление о практике. Сам Щедровицкий отталкивался не только от изучения мышления, но и содержательной логики, психологии и педагогики; новый подход у него задавался идеями деятельности, обучения и развития. Ф. де Соссюр шел от языкознания, а новый подход задавался идеей коммуникации. И хотя все перечисленные авторы, выступившие идеологами самостоятельных направлений в семиотике, вводят семиотические понятия и ведут семиотические исследования (или это делают их последователи), мы имеем существенные расхождения в толковании семиотических понятий и семиотических исследований.

Исключает ли предложенный здесь взгляд на семиотику ее становление как науки? Естественно, нет, но не как единственной самостоятельной естественной науки, а как многих родственных наук, соответствующих разным вариантам семиотического подхода. Для формирования самостоятельной науки еще со времен Аристотеля необходимо не обобщение представлений других наук (этот момент может быть только подсобным), а выделение определенной области изучения («рода»), построение идеальных объектов и фиксирующих их понятий («начал»), сведение более сложных случаев, принадлежащих данной области изучения, к более простым, фактически же к сконструированным идеальным объектам, обоснование всего построения в соответствии с принятыми в данное время критериями и нормами строгости и научности.

Особый случай образует ситуация, когда семиотические представления используются для формирования отвечающего семиотической теории объекта. Например, семиотические представления, развитые в исследованиях Е.В. Черневич, используются ею для формирования в обучении соответствующих способностей дизайнеров: различения видения и смотрения, разных способов чтения и понимания визуальных текстов, создания визуальных текстов с разным соотношением между планами выражения и содержания и т.д. [12]. Поскольку дизайнер, прошедший школу Черневич, приобретает все эти способности, семиотические построения Черневич по отношению к данному случаю выступают не только как теория, обладающая объяснительными и дескриптивными возможностями, но и как теория, позволяющая предсказывать, рассчитывать, управлять. Но, конечно,

подобные, напоминающие естественнонаучные, возможности сохраняют свою силу только относительно сформированной реальности.

Таким образом, целесообразно различать семиотические теории двух видов. Первые ориентированы на *античный идеал познания*. Они разрешают определенный круг проблем и описывают определенную предметную область, выделенную относительно произвольно, в том смысле, что не существует достаточных, помимо практики и установок исследователя, оснований подобного выделения. Вторые ориентированы на *психотехнический идеал науки*, то есть предполагают *формирование под теорию соответствующего объекта*. Основанием выделения предметной области в данном случае выступает именно формирующая деятельность. Можно высказать и более сильную гипотезу: гуманитарные и социальные науки становятся эффективными (с точки зрения современных требований, а не вообще), только если удастся сформировать отвечающие им объекты. Например, психоанализ стал по-настоящему действенным после того, как в рамках психоаналитической практики и пропаганды удалось сформировать своего психоаналитического клиента.

Прокомментирую данный материал.

Во-первых, очевидно, что и Щедровицкий, и я осуществляли методологический поворот, то есть перешли от анализа знаков к обсуждению рефлексивных содержаний, а именно: стали рассматривать ситуацию, сложившуюся в семиотике, понятия семиотики, особенности семиотического подхода и семиотики как науки, стратегию построения более совершенной семиотической теории (эту стратегию и ее реализацию я изложил в работе «Семиотические исследования» [9]).

Во-вторых, синтез и перестройку этих рефлексивных содержаний Щедровицкий предлагал осуществить в рамках теории деятельности, а я – в рамках гуманитарного варианта методологии, включающего культурологический подход. Стоит заметить, что от выбранной стратегии синтеза и перестройки рефлексивных содержаний многое зависит. Например, остановившись для этой цели на теории деятельности и сделав редукцию семиотических феноменов к деятельности основным способом их теоретического объяснения, Щедровицкий фактически сделал ненужными свои дальнейшие исследования в семиотике. В моих семиотических работах другая проблема: анализ и новое конфигурирование рефлексивных содержаний предполагает проведение довольно сложных предварительных исследований. В свое время именно это обстоятельство заставило Г.П. Щедровицкого заменить такие предварительные исследования объяснениями в рамках системного подхода.

Например, обсуждая такое рефлексивное содержание, как «рефлексия», Г.П. Щедровицкий пишет: «Представления, накопленные в предшествующем развитии философии, связывают рефлексию, во-первых, с процессами производства новых смыслов, во-вторых, с процессами объективации смыслов в виде знаний, предметов и объектов деятельности, в-третьих, со

специфическим функционированием а) знаний, б) предметов и в) объектов в практической деятельности. И, наверное, это еще не все. Но даже этого уже слишком много, чтобы пытаться непосредственно представить все в виде механизма или формального правила для конструирования и развертывания схем. Поэтому мы должны попытаться каким-то образом свести все эти моменты к более простым отношениям и механизмам, чтобы затем вывести их из последних и таким образом организовать все в единую систему» [16, с. 273]. Другими словами, Щедровицкий решил не анализировать рефлексивные реалии (в данном случае знания, предметы, объекты и их функционирование, а также механизмы производства новых смыслов), а переопределить их (фактически, это редукция) в новом, более простом и конструктивном языке.

Что это за язык? Это язык системного подхода (системно-структурный язык), в рамках которого теперь задается и деятельность. «Исходное фундаментальное представление: деятельность – система», – пишет Щедровицкий в работе 1975 года [16, с. 241]. Чтобы реализовать эту стратегию, Г.П. Щедровицкому пришлось построить свой, теоретико-деятельностный вариант системного подхода.

В-третьих, нетрудно заметить, что представленные здесь методологические опыты предполагают свободную стратегию построения мысли, в том смысле, что для их авторов не был известен метод решения интересующих их проблем, они вынуждены были сами выстраивать мысль, исходя из разных оснований – собственных ценностей и предпочтений, особенностей предмета, который они анализируют, полемики с другими мыслителями и прочее. Нельзя ли в таком случае предположить, что методологическая работа – это всегда поиск, выращивание новой мысли, что здесь каждая познавательная ситуация является уникальной. «Важнейшее отличие методологии от науки, – пишет Марк Рац, – видится в том, что наука дает свои прогнозы для повторяющихся явлений, в то время как методология стремится рассматривать любую ситуацию как уникальную и неповторимую... Методолог, разумеется, тоже может использовать накопленный опыт, но, апеллируя к наличным знаниям, готовым методам и средствам, методолог работает уже как ученый... Моя коллега С. Табачникова заметила однажды, что, «используя готовые методы, мы умираем... мысль может быть методологической, пока она движется. Умирая в своем продукте, она теряет специфику: ее выводы касаются организации нашей деятельности и нашего мира» [8, с. 14].

В целом это верно, хотя, безусловно, решая свои задачи, методолог использует наработанные прежде познавательные стратегии и методы. Другое дело, что при этом часто (но не всегда) выясняется уникальность познавательной, более широко – мыслительной ситуации и необходимость в ней трансформировать эти стратегии и методы или вырабатывать новые. Однако не противоречит ли эта характеристика методологии ее понятию, ведь методология вроде бы должна однозначно направить мысль? Если

методологическая работа – это недетерминированная, открытая стратегия мышления, имеющая дело с уникальными ситуациями, то чем она тогда отличается от интуиции и творчества?

5. Проблема реализации методологических программ

Лучше всего реализуются программы, адресованные самому себе. В этом случае нет проблем непонимания методологической программы, хотя нередко методолог сталкивается с «сопротивлением материала». Но можно ли «программу, адресованную самому себе», считать программой? Методологические программы «а-ля Выготский и Щедровицкий» являются настоящими программами: они, как правило, адресованы другим ученым или специалистам (философам, инженерам, проектировщикам и пр.) и, кроме того, трактуются как предписания и проекты. Тогда, кажется, чего проще – нужно реализовать эти программы, перестроив в соответствии с ними интересующие методолога науки и дисциплины. Посмотрим конкретно, что получилось из реализации программ Выготского и Щедровицкого.

Предложенная Выготским программа перестройки психологии была взята на вооружение его учениками и реализована в форме построения психологической теории деятельности. На эту теорию, как известно, опиралась советская педагогика, в рамках которой, действительно, выделялся новый тип человека, которым овладевало и управляло социалистическое общество. Обсуждая ценностные установки психологов этого периода, В.П. Зинченко пишет: «Это была замечательная плеяда ученых, которые всерьез приняли задачу революционного преобразования общества, создания нового человека – активного творческого деятеля. На первый план выступила проблема организации трудовой деятельности, профессионального образования, учебной деятельности, профессионального отбора и диагностики. Конечно, были и концептуальные достижения, но преобладала прагматическая ориентация» [5, с. 44].

Но западная психология пошла по другому пути: количество психологических школ постоянно росло, интенсивно развивалась гуманитарная психология, взаимоотношения между разными школами разворачивались не в плане единых оснований, а в пространстве научной коммуникации и методологии. Когда же социализм рухнул, значение теории деятельности в нашей стране быстро стало падать. Например, В.А. Лекторский в статье «Деятельностный подход: смерть или возрождение» констатирует, что «деятельностная тематика как в философии, так и в психологии утратила былую популярность» [7, с. 56]. В.С. Лазарев в статье «Кризис “деятельностного подхода” в психологии и возможные пути его преодоления» пишет, что «деятельностный подход, создававшийся несколько десятилетий назад для преодоления психологического кризиса, сегодня сам находится в кризисном состоянии» [6, с. 33].

Итак, методологическая программа Выготского могла быть реализована, пока сохранялись условия, позволявшие в рамках тоталитарной системы социализма формировать человека. Как только эти условия ушли, данная программа стала нереалистичной и нереализуемой.

Г.П. Щедровицкий наметил не одну программу, а несколько: для семиотики, языкознания, педагогики, дизайна, науковедения, той же психологии. В целом все эти программы оказались неудачными, представители соответствующих научных дисциплин практически не обратили на них внимания, а сами методологи их реализовать не смогли. На мой взгляд, слабость предложенных Щедровицким методологических программ научного развития проистекала, во-первых, из-за отсутствия заинтересованной кооперации с представителями данных наук, во-вторых, недостаточного знания проблем, стоящих в этих науках, в-третьих, характера рассмотренных выше установок самой методологии. На еще одно обстоятельство указывает А.А. Пузырей, анализируя программу развития психологии, которую Щедровицкий изложил в 1981 году. «Идея методологической организации психологии как сферы МД (мыследеятельности. – *B.P.*) не входит “ни в какие ворота” психологии... Причем – как это ни парадоксально! – не только в ворота собственно научной академической психологии, но также и так называемой практической... Методология “потонула” и “растворилась” в игровом движении, была поглощена и “подмята” им» [21, с. 125–126].

Однако в рамках ОДИ методологическое нормирование проходило, и казалось, что это именно то поле, где реализуются методологические программы. Особенность разработанных Щедровицким оргдеятельностных игр состоит в том, что здесь исходная проблема сразу осмысливается с помощью методологических представлений (схем) и ее решение намечается в этом же языке. Другая особенность – методологическая организация игрового процесса. Здесь участники оргдеятельностных игр как бы «заражаются» методологическим мышлением, отчасти осваивают его. Правда, закончив игру и вернувшись в обычную жизнь, они обычно забывают методологические установки.

Стоит, однако, обратить внимание, что в ОДИ реализуются не методологические программы, а методологические представления. Кроме того, ОДИ представляет собой практику, в которой происходит вменение методологических представлений, наподобие того, как это делается сегодня во многих психологических практиках. В этом случае вопрос о программах снимается с повестки дня, поскольку никто уже не сомневается в необходимости методологических представлений и в их реалистичности.

На проблему реализации методологических программ стоит посмотреть еще с одной стороны. Щедровицкий, как мы помним, утверждает, что «продукты и результаты методологической работы в своей основной массе – это не знания, проверяемые на истинность, а проекты, проектные схемы и предписания». Даже если соглашаться с этим

утверждением, все равно не уйти от вопроса о реализуемости таких проектов и предписаний. Сколько мы видим проектов и предписаний, дающих или не то, что в них заложено, или вообще неожиданное и неприятное для проектировщика. К тому же методологические программы не являются проектами (это, скорее, концепты), их не продумывают ни с точки зрения того, насколько при их построении были учтены реальные характеристики рефлексивных содержаний (мышления, деятельности, науки, понятий и пр.), ни с точки зрения условий реализации, например: понимают ли эти программы ученые, убеждены ли они в их необходимости, видят ли они ситуацию так же, как и методологи, можно ли склонить ученых изменить свои убеждения и как это сделать. Методологические программы только запускают, инициируют мыслительные и творческие процессы. Как те протекают и что дают – в значительной степени результат обстоятельств, культуры и усилий творческой личности или коллектива. Тем не менее, и без методологических программ, тем более методологической работы во многих случаях обойтись нельзя.

Литература

1. Брушлинский А.В. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории. – М.: Издательство «Институт психологии РАН», 1997. – 576 с.
2. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч.: в 6 т. – М.: Педагогика, 1982. Т.1. – 487 с.
3. Выготский Л.С. Мышление и речь // Собр. соч.: в 6 т. – М.: Педагогика, 1982. Т.2. – 361 с.
4. Декарт Р. Избранные произведения. – М.: Госполитиздат, 1950. – 712 с.
5. Зинченко В.П. Культурно-историческая психология и психологическая теория деятельности: живые противоречия и точки роста // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1993. №2. С. 41–51.
6. Лазарев В.С. Кризис «деятельностного подхода» в психологии и возможные пути его преодоления // Вопросы философии. 2001. №3. С. 33–57.
7. Лекторский В.А. Деятельностный подход: смерть или возрождение // Вопросы философии. 2001. №2. С. 64–65.
8. Рац М.В. Методология: младшая сестра науки или ее мать? // НГ-Наука. №3(76) от 11 февраля 2004 г.
9. Розин В.М. Семиотические исследования. – М.: Университетская книга, 2001. – 114 с.
10. Розин В.М. Методология: становление и современное состояние. – М.: МПСИ, 2005. – 414 с.
11. Франк С.Л. Очерк методологии общественных наук // Вопросы методологии. 1991. №2.

12. Черневич Е.В. Язык графического дизайна. – М.: ВНИИТЭ, 1975. – 138 с.
13. Щедровицкий Г.П. О различии исходных понятий “формальной” и “содержательной” логик // Г.П. Щедровицкий. Избранные труды. М.: Школа культурной политики, 1995. С. 34–50.
14. Щедровицкий Г.П. «Языковое мышление» и его анализ // Там же. С. 449–466.
15. Щедровицкий Г.П. Схема мыследеятельности – системно-структурное строение, смысл и содержание // Там же. С. 281–299.
16. Щедровицкий Г.П. Исходные представления и категориальные средства теории деятельности // Там же. С. 233–281.
17. Щедровицкий Г.П. Дизайн и его наука: «художественное конструирование» – сегодня, что дальше? // Там же. С. 334–342.
18. Щедровицкий Г.П. Принципы и общая схема методологической организации системно-структурных исследований и разработок // Там же. С. 88–115.
19. Щедровицкий Г.П. Методологический смысл оппозиции натуралистического и системодетельностного подходов // Там же. С. 143–155.
20. Щедровицкий Г.П. О методе семиотического исследования знаковых систем // Семиотика и восточные языки. – М.: Наука, 1967. С. 19–47.
21. Щедровицкий Г.П. Методологическая организация сферы психологии // Вопросы методологии. 1997. №1–2.

References

1. Brushlinskij A.V. Psihologicheskaya nauka v Rossii XX stoletiya: problemy teorii i istorii [Psychological science in Russia of the twentieth century: problems of theory and history]. Moscow: Publishing house "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences", 1997. 576 p. (in Russian).
2. Vygotskij L.S. Istoricheskij smysl psihologicheskogo krizisa [The historical meaning of the psychological crisis]. Moscow: Collected Works: in 6 vols. Pedagogika, 1982. Vol. 1. 487 p. (in Russian).
3. Vygotskij L.S. Myshlenie i rech' [Thinking and speaking]. Moscow: Collected Works: in 6 vols. Pedagogika, 1982. Vol. 2. 361 p. (in Russian).
4. Descartes R. Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. Moscow: Gospolitizdat, 1950. 712 p. (in Russian).
5. Zinchenko V.P. Kul'turno-istoricheskaya psihologiya i psihologicheskaya teoriya deyatel'nosti: zhivye protivorechiya i tochki rosta [Cultural-historical psychology and psychological theory of activity: living contradictions and growth points]. In: Bulletin of Moscow University. Series 14. Psychology. 1993. N 2, pp. 41–51 (in Russian).

6. Lazarev V.S. Krizis «deyatelnostnogo podhoda» v psikhologii i vozmozhnye puti ego preodoleniya [The crisis of the "activity approach" in psychology and possible ways of overcoming it]. In: Issues of Philosophy. 2001. N3, pp. 33–57. (in Russian).
7. Lektorskij V.A. Deyatel'nostnyj podhod: smert' ili vozrozhdenie [The activity approach: death or rebirth]. In: Issues of Philosophy. 2001. N3, pp. 64–65 (in Russian).
8. Ratz M.V. Metodologiya: mladshaya sestra nauki ili ee mat'? [Ratz M. Methodology: the youngest sister of science or her mother?]. In: NG-Science. N3(76) of 11 February 2004 (in Russian).
9. Rozin V.M. Semioticheskie issledovaniya [Semiotic research]. Moscow, University book. 2001. 114 p. (in Russian).
10. Rozin V.M. Metodologiya: stanovlenie i sovremennoe sostoyanie [Methodology: formation and current state]. Moscow: MPSI, 2005. 414 p. (in Russian).
11. Frank S.L. Oчерк методологии obshchestvennyh nauk [Essay on the methodology of social sciences]. In: Questions of methodology. 1991. N2 (in Russian).
12. Chernevich E.V. Yazyk graficheskogo dizajna [Language of graphic design]. Moscow, VNIITE, 1975. 138 p. (in Russian).
13. Shchedrovitsky G.P. O razlichii iskhodnyh ponyatij "formal'noj" i "soderzhatel'noj" logic [On the difference in the basic concepts of the "formal" and the "substantial" logics]. In: Shchedrovitsky, G.P. Izbrannye trudy [Selected Works of G.P. Shchedrovitsky]. Moscow, Shkola kul'turnoj politiki, 1995, pp. 34–50 (in Russian).
14. Shchedrovitsky G.P. «Yazykovoe myshlenie» i ego analiz ["Language thinking" and its analysis]. In: Shchedrovitsky, G.P. Izbrannye trudy [Selected Works of G.P. Shchedrovitsky]. Moscow, Shkola kul'turnoj politiki, 1995, pp. 449–466 (in Russian).
15. Shchedrovitsky G.P. Skhema mysledeyatelnosti – sistemno-strukturnoe stroenie, smysl i sodержanie [The model of thinking-activity: system-structural characteristics, meaning and content]. In: Shchedrovitsky, G.P. Izbrannye trudy [Selected Works of G.P. Shchedrovitsky]. Moscow, Shkola kul'turnoj politiki, 1995, pp. 281–299 (in Russian).
16. Shchedrovitsky G.P. Iskhodnye predstavleniya i kategorial'nye sredstva teorii deyatelnosti [The basic concepts and categorical means of the activity theory]. In: Shchedrovitsky, G.P. Izbrannye trudy [Selected Works of G.P. Shchedrovitsky]. Moscow, Shkola kul'turnoj politiki, 1995, pp. 233–281 (in Russian).
17. Shchedrovitsky G.P. Dizajn i ego nauka: «hudozhestvennoe konstruirovaniye» – segodnya, chto dal'she? [Design and science of design: "aesthetic engineering" today, what tomorrow?]. In: Shchedrovitsky, G.P. Izbrannye trudy [Selected Works of G.P. Shchedrovitsky]. Moscow, Shkola kul'turnoj politiki, 1995, pp. 334–342 (in Russian).

18. Shchedrovitsky G.P. Principy i obshchaya skhema metodologicheskoy organizacii sistemno-strukturnyh issledovaniy i razrabotok [The principles and the general scheme of the methodological organization of system-structural research and development]. In: Shchedrovitsky, G.P. Izbrannye trudy [Selected Works of G.P. Shchedrovitsky]. Moscow, Shkola kul'turnoj politiki, 1995, pp. 88–115 (in Russian).
19. Shchedrovitsky G.P. Metodologicheskij smysl oppozicii naturalisticheskogo i sistemodeyatel'nostnogo podhodov [Methodological meaning of the opposition of the naturalistic and the system-activity approaches]. In: Shchedrovitsky, G.P. Izbrannye trudy [Selected Works of G.P. Shchedrovitsky]. Moscow, Shkola kul'turnoj politiki, 1995, pp. 143–155 (in Russian).
20. Shchedrovitsky G.P. O metode semioticheskogo issledovaniya znakovyh system [On the method of semiotic investigation of sign systems]. In: Semiotika i vostochnye yazyki [Semiotics and Oriental languages]. Moscow: Nauka, 1967, pp. 19–47 (in Russian).
21. Shchedrovitsky G.P. Metodologicheskaya organizaciya sfery psihologii [Methodological organization of the sphere of psychology]. In: Questions of methodology. 1997. N1–2 (in Russian).